В сомнении воздерживайся

Posted originally on the fanfiction.lol at https://fanfiction.lol/works/1382.

Rating:	Teen And Up Audiences
Archive Warning:	No Archive Warnings Apply
Categories:	Slash (M/M), Getting Together
Fandoms:	The Sandman (TV), The Sandman (Comics)
Relationship:	Dream of the Endless | Morpheus/Hob Gadling
Characters:	Hob Gadling, Dream of the Endless | Morpheus
Additional Tags:	Romance, Attempt at Humor, Friends to Lovers, Dreams, Post-The Sandman (TV) Season 1, Not Beta Read
Language:	Russian
Stats:	Published: 2022-10-27 Words: 1,688 Chapters: 1/1

В сомнении воздерживайся

by Lucifer_is_my_pet

Summary

Давным-давно был наложен запрет на отношения между Вечными и смертными.

Notes

Морфей скорее комиксный. Пыталась передать его манеру речи, но не уверена, что получилось.

(если прищуриться, можно увидеть элементы дабкона)

See the end of the work for more notes

Утром воскресенья Хоб сидит на кухне своей квартиры и завтракает. У него прекрасное настроение: день обещает быть спокойным, но продуктивным. Он закончит проверять домашние задания, прогуляется до парка, закупит продуктов, разберёт наконец кладовку и решит, что из вещей ещё можно хранить как ностальгические сувениры, а от чего пора избавиться, чтобы не превращать квартиру в музей. А вечером можно будет наконец начать читать вторую версию «Таинственного незнакомца» Твена. Ещё одной причиной его приподнятого настроения был сегодняшний сон.

Это был хороший сон. Из тех, которые потом приятно изредка вспоминать, никому о них не рассказывая. Никаких призраков прошлого, никаких студентов, просящих принять у них экзамен посреди чистого поля, никаких безумных сценариев его безвременной кончины. Во сне был Морфей, и Морфей его целовал. Что-то, безусловно, происходило до этого, и что-то произошло потом, но из памяти Хоба эти события выветрились, кажется, даже раньше, чем он проснулся.

Хоб делает последний глоток кофе, когда посреди кухни возникает столб песка. Зрелище, к которому Хоб уже почти успел привыкнуть, но только почти. Мгновения спустя песок рассеивается и перед ним предстаёт Морфей. Вид у него мрачный, впрочем, Хобу это мало о чём говорит, это его обычное состояние. Одежда говорит чуть больше: не обычная человеческая, но и не парадный наряд, украшенный пламенем. Значит, беседа предстоит не самая приятная: для приятных Морфей приходил в домашнем.

По своему обыкновению, тот не торопится объяснять причину своего визита, только кивает в ответ на приветствие. К этой его особенности Хоб тоже почти привык, поэтому, чтобы чем-то занять руки, ставит кружку в посудомоечную машину и убирает со стола, про себя надеясь, что дело не в его сне.

— **Хоб Гэдлинг**, — изрекает наконец Морфей, — **мне не доставляет радости говорить об этом, но ты должен знать, что есть определённые правила, предписывающие Вечным воздерживаться от романтических привязанностей в отношении смертных**.

Не повезло, всё-таки дело во сне. Подавив дурацкий порыв ответить «Ну так и воздерживайся», Хоб поворачивается к нему и скрещивает руки на груди.

— Звучит серьёзно. А какие-то основания у этого правила есть или вы просто играетесь в элитный закрытый клуб?

— **Основания таковы, что такие связи приводят к катастрофическим последствиям для самих смертных и для того, что их окружает**.

— А для вас?

Видимо, Морфей не ожидал такого вопроса, потому что в ответ он только безмолвно моргает. Мрачное выражение его лица сменяется печальным.

— Окей, я понял, — быстро говорит Хоб, не желая, чтобы тот погружался в тяжёлые воспоминания сильнее, чем уже в них погружён.

Но, кажется, Морфей не считывает его намерение, потому что рассказывает ему о смертной девушке по имени Нада, их крайне быстром романе, её гибели, продолжительном заточении в Аду и лишь недавнем освобождении.

Хоб молча выслушивает, пытается что-то сказать в ответ, но слова (нормальные слова, а не «Добро пожаловать в клуб мудаков-долгожителей») оставляют его. Он смотрит на Морфея, тот смотрит в ответ. Это не помогает. Хоб вздыхает, бросает взгляд в окно на ранних прохожих, барабанит пальцами по столу. Снова смотрит на Морфея.

— Слушай, — наконец начинает он. — Я понял всё, что ты сказал, и это... уф, много, но... Тебе не кажется, что ты немного... драматизируешь текущую ситуацию?

Морфей моргает. Медленно. Звёзды в его глазах тускло сияют. Чувствуя неловкость, Хоб принимается тараторить.

— Я хочу сказать, это был всего лишь один дурацкий сон, мало ли что там было, необязательно воспринимать его серьёзно ведь, я бы вообще про него уже завтра забы... — видя, как меняется выражение лица Морфея, Хоб замолкает.

— **Хоб Гэдлинг, должен ли *я* напомнить тебе, что этот сон был не один**? — Хоб отводит взгляд. Ну да, это был не первый такой сон за всё время их знакомства. Но, справедливости ради, и не сотый, и даже не десятый (если бы их было больше, он бы наверняка запомнил). Не так уж и страшно. — **И должен ли *я* напомнить тебе, что не бывает «всего лишь снов»**?

Морфей говорил ему это не раз и не два, но Хоб никак не мог примириться с этой мыслью, она просто отказывалась ровно вставать в его текущем мировосприятии. Возможно, это было к лучшему — мозг не начинал кипеть, — но явно не сейчас, учитывая явное возмущение в голосе Короля снов.

— Как-то раз мне снилось, что я дельфин, трахающийся с дельфином, это же не значит, что я мечтаю трахнуть дельфина!

В ответ на это Морфей склоняет голову набок, так что Хобу становится стыдно за такое явное передёргивание.

— Хорошо, допустим, не «всего лишь сон», — эта формулировка очевидно тоже не устраивает Морфея, но тот не перебивает, — но всё равно это... немного чересчур. Я тебя по человеческим — даже не по моим, обычным человеческим, — меркам едва знаю. Из этого просто нечему взяться. Так что, я думаю, ты можешь расслабиться.

Хоб не то чтобы лжёт... Он верит во всё сказанное, верит, что отношения лучше всего строить с теми, кого успел неплохо узнать, кому можешь довериться, но сердце его стучит так громко, что он заставляет себя сосредоточиться на собственном голосе, чтобы заглушить его.

На некоторое время воцаряется молчание. Затем Морфей произносит неожиданно мягко:

— **Хоб**...

Тот мгновенно понимает, что его раскрыли и нет смысла отпираться. От шеи к щекам поднимается жар — Хоб опускает глаза. Он чувствует себя как в тех снах, когда он приходит в публичное место и обнаруживает, что на нём нет ни клочка одежды. Вот так и дружи с древними антропоморфными хранителями массового бессознательного.

Чтобы как-то справиться с ощущением душевной наготы, Хоб принимается вышагивать вдоль стола. Он облажался. Подвёл друга. Ещё и таким идиотским образом.

— Ладно, окей, со мной всё понятно, я слабый духом человечишка, но это же и в обратную сторону работает. Ты. — Он показывает рукой на Морфея, который молча наблюдает за его перемещениями. В ответ на обращение тот вопросительно поднимает брови. — У тебя-то нет такой проблемы. Тебе буквально не надо ничего делать, чтобы не случилось ничего... катастрофического!

Чувствуя себя гением, решившим одну из открытых математических проблем, Хоб победно улыбается. Но неожиданно мелькнувшая мысль заставляет его нахмуриться и опустить руку.

— Почему ты пришёл? Ты же и правда мог просто ничего...

Слова застревают в горле, когда он видит, с каким выражением смотрит на него Морфей. Это жажда человека, которого не пускают к водоёму. Хоба словно пришпиливает к месту, и он не уверен, чем: этим взглядом или внезапным откровением. Жар, который успел схлынуть, снова подбирается к лицу.

Всё очень плохо.

За окном чирикают птицы, но Хоб слышит их словно сквозь пелену. Мир сужается до его небольшой кухни — нет, до стола, который разделяет их. Кажется, что стоит столу исчезнуть, как произойдёт непоправимое.

— Мы всё ещё можем, — говорит Хоб охрипшим голосом, — просто быть друзьями.

Смогу ли я, спрашивает он себя, невероятным усилием воли отступив на пару шагов, чтобы налить себе воды в стакан.

— **Я не думаю, что можем**, — слышит он из-за спины. — **Твои сны, Хоб Гэдлинг, слишком громкие**.

Что это вообще значит? Хоб почти залпом осушает стакан и оборачивается.

— Тогда запрети их. Запрети мне видеть себя во сне. Чёрт, запрети мне видеть сны вообще.

— **Нет**, — резко отвечает Морфей. — **Я должен сопровождать тех, кто приходит в моё царство, а не гнать из него. Это против заведённого порядка вещей. Все, кто может видеть сны, должны видеть сны**.

— Я переживу.

— **Нет**, — повторяет Морфей и на лице его почти обиженное выражение. — **Не проси меня об этом**.

Хоб зажмуривается. Как же сложно. Вот ведь, казалось бы, простые решения, но всё не то.

— Хорошо, — произносит он. — Если так, то давай перестанем видеться. Оставим только наши... ежевековые встречи, как дань традиции.

Снова повисает тишина. Лицо Морфея мрачнеет обратно. Хоб прочищает горло.

— Увидимся в 2089-м?

— **Нет**, — Морфей качает головой.

— Так что ты хочешь от меня?! — не выдерживает Хоб. — Зачем ты пришёл? Ты говоришь о грядущей катастрофе, а когда я предлагаю, как избежать её, воротишь нос. Чего ты хочешь?

Краем сознания он отмечает, что стол больше не разделяет их, а уже в следующее мгновение Морфей стоит прямо перед ним. Глаза его — бескрайний космос, полный надежды, и Хоб чувствует, что ещё немного и его затянет туда без остатка.

— **Я боюсь, что вести беседы об избегании уже слишком поздно**, — произносит Морфей. — **Однако... Если бури нельзя избегнуть, её возможно пережить**.

— Я не хочу стать тем, кто сделает тебе больно.

— **Не становись**.

— Ты только что рассказал мне историю о том, как девушка ранила твою гордость отказом и ты десять тысяч лет не мог простить её за это. Выглядит так, что шанс ошибки довольно велик.

— **Ты сейчас тоже отказываешь мне**, — в голосе Морфея звучат напряжённые нотки.

— Нет, — Хоб с важным видом поднимает палец. Из-за их близости он едва не утыкается Морфею в подбородок. — Я пытаюсь убедить тебя ничего мне не предлагать. Нет предложения — нет отказа.

В ответ на это Морфей издаёт что-то почти похожее на смешок и отступает на полшага. Он задумчиво смотрит на Хоба, словно выискивая что-то в его лице. Хоб не мешает ему, позволяя себе в свою очередь окинуть его взглядом. Он отмечает чуть более длинные и как будто более беспорядочно торчащие волосы, застёжку в форме сороки,

ночное небо в полах плаща. Он хочет спросить — новая причёска, хочет спросить — почему сорока, хочет спросить — может ли кто-то случайно упасть в твой плащ.
И не смеет, потому что сейчас, возможно, происходит самый важный разговор между ними со времён их первой беседы в «Белой лошади». Он думает, как мог один простой сон привести к такому.

Во тьме глаз Морфея вспыхивает по звезде. Он вновь оказывается слишком близко, и Хоб рефлекторно дёргается — но бежать некуда, мир сейчас ограничен столешницей с одной стороны и телом Морфея с другой.

Он берёт лицо Хоба в ладони и прижимается своим лбом к его. Хоб резко вдыхает, закрывает глаза и видит сны. Свои сны. Один за другим они мелькают перед его внутренним взором. В каждом из них есть Морфей, суровый, улыбающийся, печальный, грозный, страстный. Хоб узнаёт каждый из снов, хотя мгновениями раньше мог бы поклясться, что почти ничего из этого никогда ему не снилось. Он видит сны-приключения, сны длиной в целую жизнь, сны короткие сценки, бестолковые или полные невысказанных слов. И Хоб переживает каждый из них заново, восторг и ужас, полёты и падения, большие свершения и бессмысленную рутину. Множество эмоций наполняет его, переполняет, грозится затопить, и он хватается за руки Морфея как за спасательный круг, тяжело дыша. Время бесконечно растягивается; он проживает часы, дни и годы между вдохом и выдохом. Он здесь и одновременно — во сне.
И в этом сне Морфей целует его, потому что это его сегодняшний сон.

И Хоб думает, что, если так будет продолжаться и дальше, его голова просто лопнет от диссонанса между тем, что происходит внутри и снаружи её. Поэтому здесь и сейчас он целует Морфея в ответ.

End Notes

Застёжка, разумеется, не сорока, а ворон, просто Хоб не шарит. Если он спросит, Морфей обязательно расскажет ему о Джессами :)

Please drop by the Archive and comment to let the creator know if you enjoyed their work!